

ПРОЛОГ

ПЯТНИЦА

БЕН

Его пальцы порхают над клавиатурой. Необходимо все записать. Эта история: она его прославит. Бен закуривает еще одну сигарету. Кажется, немного банально курить в Париже «Житан», но ему действительно нравится их вкус. И что уж скрывать, ему нравится, как он выглядит, когда курит.

Он сидит перед окнами квартиры, выходящими на центральный двор. Все вокруг погружено в темноту, только слабое зеленоватое свечение одинокой лампы нарушает мрак. Это красивый дом, но в его сердцевине что-то прогнило. И теперь повсюду слышится испускаемое им зловоние.

Ему нужно поскорее убраться отсюда. Он и так уже злоупотребил гостеприимством. Неужели Джесс не могла выбрать лучшего времени для визита. Даже не удосужилась ему сообщить. Она не стала вдаваться в подробности по телефону, но явно что-то случилось; какие-то неприятности в том паршивом баре, где она сейчас работает. У его сводной сестры настоящий талант появляться в самое неподходящее время. Она как маячок, сигнализирующий об опасностях: кажется, они преследуют ее повсюду. У нее никогда не по-

лучалось просто *играть по правилам*. Она никогда не понимала, насколько проще становится жизнь, если просто давать людям то, чего им хочется, и говорить то, что они хотят услышать. Но нужно признать, он действительно предлагал ей «остаться, если захочет», но на самом деле он не это имел в виду. Но Джесс поймала его на слове.

Когда он видел сестру в последний раз? Он всегда чувствовал себя виноватым, когда вспоминал о ней. Должен ли он быть рядом, присматривать за ней..? Она ведь хрупкая, Джесс. Или точнее сказать, ранимая, люди просто не сразу это замечают. Она, как броненосец: под жестким панцирем нежное тело.

В любом случае нужно позвонить ей, проинструктировать. Он оставляет сестре голосовое сообщение: «Привет Джесс, значит, адрес такой: Рю де Амант, двенадцать. Поняла? Третий этаж».

Его глаза различают какое-то движение во дворе под окнами. Кто-то быстро пересекает двор. Почти бегом. Бен улавливает только смутные очертания фигуры, но не может распознать, кто это. Есть в этом что-то странное. В крови закипает адреналин.

Он вспоминает, что все еще записывает голосовое сообщение, и отводит взгляд от окна. «Просто позвони в звонок. Я буду ждать тебя...»

Он замолкает. Колеблется, прислушивается.

Шум.

Топот шагов по лестничной площадке... приближающихся к двери в квартиру.

Шаги затихают. Там кто-то есть, снаружи. Бен ждет стука. Ничего не происходит. Тишина. Тяжелая тишина, напряженная, как затаенное дыхание.

Странно.

КВАРТИРА В ПАРИЖЕ

А потом еще один звук. Он затаился и наострил уши, внимательно вслушиваясь. И вот снова. Металл по металлу, лязг ключа. Затем щелчок, ключ в замочной скважине. Он смотрит, как поворачивается замок. Кто-то отпирает его дверь снаружи. Кто-то, у кого есть ключ, но незачем приходить сюда без приглашения.

Ручка опускается вниз. Со знакомым протяжным скрипом открывается дверь.

Он кладет телефон на кухонный стол, забыв о голосовом сообщении. Выжидает и тупо наблюдает, как распахивается дверь.

В комнату входит человек.

— Что вам нужно? — спрашивает Бен. Спокойно, рассудительно. Ничего не скрывая. Ничего не опасаясь. По крайней мере, пока. — И почему..

Внезапно Бен видит, что в руках у незваного гостя. И сейчас... Сейчас ему уже страшно.

СПУСТЯ ТРИ ЧАСА

ДЖЕСС

Ради бога, Бен. Возьми трубку. Я уже все сиськи себе отморозила. Мой «Евростар» выехал из Лондона с опозданием в два часа; я должна была прибыть в половину десятого, но уже перевалило за полночь. И сегодня холодно, здесь, в Париже, даже холоднее, чем в Лондоне. Сейчас только конец октября, а у меня изо рта пар идет и ноги окоченели. Трудно поверить, что всего пару недель назад стояла сильная жара. Мне нужно подходящее пальто. Но, видимо, я слишком много хочу от жизни.

Я уже, наверное, раз десять позвонила Бену: когда «Евростар» прибыл на путь. Безуспешно. Он не ответил ни на одно из моих сообщений. Большое спасибо, братец.

Он сказал, что будет на месте. «Сообщи, когда приедешь», — записал Бен в голосовом. «Просто позвони в звонок».

Что ж, я здесь. В тускло освещенном тупике, вымощенном булыжником, — не иначе как признак серьезного, респектабельного района. Передо мной многоквартирный дом, он стоит в самом конце улицы, сам по себе.

Я оглядываюсь на пустую дорогу. Рядом с припаркованной машиной промелькнула тень. Я отхожу в сторону, чтобы получше ее рассмотреть. Это... При-

щуриваюсь, стараясь разглядеть очертания. Могу поклясться, что там кто-то есть, притаился за машиной.

Я вздрагиваю, когда в нескольких кварталах от меня сирена разрывает тишину. Но потом вой постепенно затихает. Сирена здесь звучит по-другому, не так, как дома — «ни-но, ни-но», а как-то по-детски, — но это все равно заставляет сердце биться быстрее.

Я оглядываюсь на тень за припаркованной машиной. Теперь я не могу различить никакого движения, даже не могу разглядеть ту фигуру, которую, как мне казалось, я видела до этого. Может, просто так падал свет.

Снова смотрю на дом. Другие дома на этой улице прекрасны, но этот перещеголял их всех. Стоящий в стороне от улицы, за большими воротами, обнесенный с двух сторон высокой стеной, с милым палисадником. Пять этажей — я посчитала — огромные окна, кованые балконы. Разросшийся по фасаду плющ ползет вверх. Если вытянуть шею, то можно увидеть террасу на крыше, острые очертания деревьев и темные контуры кустарников на фоне ночного неба.

Я еще раз проверяю адрес. Рю де Амант, двенадцать. С адресом я определенно не промахнулась. Не могу поверить, что Бен живет в таком шикарном месте. Он упоминал, что найти квартиру ему помог какой-то университетский приятель. Что сказать, Бен всегда умел удачно устроиться. Неудивительно, что это место его заворожило. Хотя он сам тоже не промах. Журналисты, очевидно, зарабатывают больше барменов, но не настолько же.

На железных воротах медный дверной молоток в виде львиной головы: толстое металлическое кольцо зажато в оскале зубов. Ворота венчает щетина ши-

пов — не перелезть. И по обе стороны высокого забора осколки стекла; попытаешься пролезть, покалечишься. Уровень безопасности разительно контрастирует с изящностью здания.

Я поднимаю дверной молоток, холодный и тяжелый, и роняю его. Раздавшийся грохот эхом отскакивает от брусчатки, намного громче, чем я ожидала. Здесь так тихо и темно, даже не верится, что я в том же суматошном городе, который проезжала сегодня днем: все эти яркие огни, народ, люди, выходящие из баров и ресторанов. Я вспоминаю район вокруг того огромного собора на холме, «Сакре-Кёр», под которым я проезжала всего двадцать минут назад: с толпами туристов, делающих селфи, и подозрительными парнями в пуховиках, шныряющими между ними, готовыми стащить кошелек или два. В памяти встают улицы, по которым шла, с неоновыми вывесками, громкой музыкой, круглосуточной едой, толпой людей, выходящей из баров, с очередями в клубы. Это другая вселенная. Я оглядываюсь назад: ни души. Только шорох сухого плюща. Издалека доносятся гул дороги, гудки автомобильных клаксонов — но такие приглушенные, будто они не осмеливаются вторгнуться в этот рафинированный, почти безмолвный мир.

Меня мало что заботило, пока я тащила свой чемодан через весь город. В основном я беспокоилась лишь о том, как бы меня не ограбили и чтобы сломанное колесико чемодана не застряло и не вывело меня из себя. Но теперь, впервые, до меня доходит: я здесь, в Париже. В другом городе, в другой стране. У меня получилось. Мне удалось оставить свою прошлую жизнь позади.

В одном из верхних окон вспыхивает свет. Подняв глаза, я вижу стоящую там темную фигуру, силуэт головы и плеч. Бен? Хотя будь это он, наверняка помахал бы рукой. Я стою в свете уличного фонаря, так что братец наверняка видит меня. Но фигура у окна стоит неподвижно, как статуя. Черты лица не разобрать. Непонятно, мужчина это или женщина. Но кто-бы это ни был, он наблюдает за мной. И наверное, на то есть причина. Уверена, я выгляжу довольно жалко и нелепо со своим сломанным чемоданом, который вот-вот раскроется, несмотря на обмотанный вокруг него трос. Странное чувство — осознавать, что меня могут видеть, а я нет. Я отвожу глаза.

Ага. Справа от ворот небольшая панель с номерами и встроенным в нее объективом. Должно быть, массивный дверной молоток с львиной головой просто для виду. Нажимаю кнопку третьего этажа, этажа Бена. И жду, когда его голос затрещит в домофоне.

Ответа нет.

СОФИ

ПЕНТХАУС

Кто-то стучит в парадную дверь. Довольно громко, так что Бенуа, мой серебристый уиппет вскакивает и заливается лаем.

— *Arrête ça!* — кричу я. — Перестань.

Бенуа обиженно скулит, но потом замолкает. Пес глядит на меня, и в его темных глазах читается смятение. Мой голос тоже изменился — слишком пронзительный, слишком громкий. В наступившей тишине я отчетливо слышу свое собственное дыхание, отрывистое и тяжелое.

Никто никогда не пользуется дверным молотком. Разве только тот, кто здесь впервые. Я подхожу к окнам, что смотрят во двор. Улицы отсюда не разглядишь, но видна парадная дверь, так что, если кто-нибудь войдет, я замечу. Но никто не заходит, а прошло уже несколько минут. Очевидно, это не тот, кого, по мнению консьержки, стоит впускать. Хорошо. Что ж... Хотя я и недолюбливаю эту женщину, но ей можно доверять, по крайней мере, в этом.

Можно жить в Париже в самой дорогой квартире, но городские маргиналы все равно будут время от времени прибиваться к вашей двери. Наркоманы, бродяги. Шлюхи. Пигаль, район красных фонарей, совсем недалеко отсюда, он цепляется за рукав Монмар-

тра. Здесь, наверху, в этой многомиллионной крепости с видом на городские крыши и Эйфелеву башню, я всегда чувствовала себя в относительной безопасности. Я могу не обращать внимания на грязь под золотом. Я научилась закрывать на это глаза. Обычно. Но сегодня... все иначе.

Я иду взглянуть на себя в зеркало, что висит в коридоре. Внимательно изучаю свое отражение. Не так уж плохо для пятидесяти. Мне удалось хорошо сохраниться, возможно, потому что я взяла на вооружение французский метод поддержания *формы*. Что, по сути, означает всегда оставаться голодной. В любой час дня я выгляжу безупречно. Идеальная помада. Без нее я никогда не выхожу из квартиры. Шанель La Sompteuse: мой фирменный цвет. Холодный, царственный, он как бы предупреждает всякого: «держишься подальше». Стрижка — блестящий черный боб, который каждые шесть недель подстригает Дэвид Малле в Нотр-Дам-де-Виктуар. Форма доведена до совершенства, каждый седой волосок тщательно скрыт. Жак, мой муж, однажды абсолютно ясно дал понять, что не потерпит женщин, которые позволяют себе сесть. Даже если он и не всегда здесь, чтобы этим восхитаться.

Я ношу то, что считаю своей униформой. Мои доспехи. Шелковая рубашка, темные узкие брюки элегантного покроя. На моей шее шелковый шарф «Эрме» с ярким рисунком, он отлично маскирует любое разрушительное воздействие времени на нежную кожу. Недавний подарок Жака, он любит красивые вещи. Такие, как эта квартира. Такие, какой была и я до того, как имела неосторожность постареть.

Идеально. Как всегда. Как и ожидалось. Но я чувствую себя грязной. Запятнанной тем, что пришлось совершить этим вечером. В зеркале поблескивают мои глаза. Единственное, что меня выдает. Хотя лицо тоже изможденное — если присмотреться повнимательнее. Я даже худее, чем обычно. В последнее время нет необходимости в диете, не нужно тщательно отслеживать каждый бокал вина или кусочек круассана. Я не могу вспомнить, что ела сегодня утром на завтрак; да и помнила ли я вообще о еде. С каждым днем мой пояс затягивается свободнее и все сильнее выпирают ребра.

Я снимаю шарф. Мне под силу повязать шарф не хуже любой коренной парижанки. По нему вы узнаете во мне одну из них, одну из этих роскошных богатых женщин с их маленькими собачками и отличным воспитанием.

Читаю сообщение, которое отправила Жаку прошлой ночью. *Von nuit, mon amour. Tout est bien ici. «Спокойной ночи, моя любовь. Здесь все спокойно».*

Все спокойно. ХА.

Не понимаю, как до этого дошло. Но я точно знаю: все началось с того момента, как он появился здесь. Переехал на третий этаж. Бенджамин Дэниелс. Он все разрушил.

ДЖЕСС

Я достаю свой телефон. Когда я проверяла в прошлый раз, от Бена по-прежнему не было никаких вестей. Последний раз он выходил на связь в «Евростаре»: «Уже в пути!» И потом: «На Северный Вокзал! У тебя есть аккаунт в Убер?!!!» Братец решил расщедриться и прислать за мной такси. Наверное, стоило воспользоваться предложением, особенно когда при тебе огромный гребаный чемодан.

Мне пришло новое сообщение. Только оно было не от Бена.

«Ты, глупая маленькая сучка. Думаешь, тебе сойдет с рук все, что ты натворила?»

Черт. В горле внезапно пересохло. Я удаляю сообщение и вношу номер в черный список.

Навестить брата — было спонтанным решением. Когда я позвонила Бену и сообщила, что еду, он не казался взволнованным. Правда, у него было мало времени, чтобы все переварить. Но с другой стороны, я всегда думала, что для меня кровные узы гораздо важнее, чем для моего брата. На прошлое Рождество я предложила нам вместе потусоваться, но он сказал, что занят. «Катаюсь на лыжах», — ответил Бен. Даже не знала, что он умеет кататься на лыжах.

Иногда кажется, что он стесняется меня. Я напоминаю ему о прошлом, а он предпочел бы отрезать себя от всего этого.

Мне пришлось объяснить, что я в отчаянном положении. «Надеюсь, это на месяц или два, и я оплачу дорогу, — пообещала я. — Как только встану на ноги. Я найду работу». Да. Такую, где не задают слишком много вопросов. Хотя вот так ты и попадаешь в заведения вроде тех, где раньше работала я, — не так уж много мест, куда тебя возьмут, несмотря на твои дерьмовые рекомендации.

До сегодняшнего дня я работала в баре «Копакабана» в Брайтоне. Неестественно огромные чаевые компенсировали все издержки. Частенько орава придурковатых банковских менеджеров из Лондона справляла предстоящую свадьбу какого-нибудь Дика, Гарри или Тобиаса и забивала на то, чтобы верно пересчитывать банкноты — а может, для таких парней это была сущая мелочь. Но с сегодняшнего дня я безработная. Снова.

Я нажимаю на звонок второй раз. Нет ответа. Все окна в доме снова стали темными — даже то, что зажглось в прошлый раз. Господи. Он же не мог лечь спать и совершенно забыть обо мне... или мог?

Под остальными кнопками есть подписанная курсивом: *Консьержка*. Как в отеле: очередное подтверждение, что место действительно престижное. Я нажимаю кнопку, жду. Никто не отвечает. Я все представляю, как кто-то смотрит на мое маленькое видеоизображение, оценивает, а затем решает не открывать.

Я снова поднимаю тяжелый молоток и несколько раз стучу им по дереву. Звук удара разносится по ули-

це: кто-то должен его услышать. Я засекаю только собачий лай, доносящийся откуда-то из глубины дома.

Жду пять минут. Никто не приходит.

Черт.

Позволить гостиницу я себе не могу. У меня не хватает денег, чтобы вернуться обратно в Лондон, и даже, если бы и были, я ни за что бы не вернулась. Какие есть варианты... Пойти в бар... и подождать?

За спиной раздаются шаги, они гулко отдаются по брусчатке. Бен? Я оборачиваюсь, ожидая, что мой брат сейчас рассыпется в извинениях, скажет, что выскочил за сигаретами или еще за чем-нибудь. Но направляющаяся ко мне фигура не мой брат. Слишком высокий, слишком широкоплечий, на голову натянут капюшон с мехом. Он двигается быстро, уверенной походкой. Я крепче сжимаю ручку своего чемодана.

В нем все мои вещи.

Теперь он всего лишь в нескольких метрах от меня, достаточно близко, чтобы при свете уличного фонаря я могла разглядеть блеск его глаз под капюшоном. Он достает что-то из кармана. Мне становится не по себе. И теперь я замечаю. Что-то острое, металлическое поблескивает в его руке.

КОНСЕРВЖКА

БУДКА

Я наблюдаю за ней с экрана домофона, за этой незнакомкой у ворот. Что она здесь делает? Она снова жмет на звонок. Наверное, заблудилась. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: ей здесь не место. Хотя девочка и выглядит уверенной, видно, во что бы то ни стало решила сюда попасть. Теперь она таращится в объектив. Я не впущу ее. Не могу.

Я охраняю ворота этого дома. Сажу здесь в своей будке: крошечном домике в углу двора, который, может двадцать раз поместится в квартирах надо мной. Но, по крайней мере, эта коморка моя. Мое личное пространство. Мой дом. Многие так бы его не назвали. Если сесть на раскладушку, то руками можно дотянуться до всех углов комнаты одновременно. С земли и с крыши тянет сыростью, а окна не защищают от холода. Но есть четыре стены. И у меня есть место для фотографий, напоминающих о когда-то прожитой жизни, маленькие реликвии, что удалось сохранить, и за которые я держусь, когда наваливается одиночество; есть место для цветов, которые я через день собираю во дворике, так что здесь есть что-то живое и свежее. При всех своих недостатках, это место дает чувство защищенности. Больше у меня ничего нет.

КВАРТИРА В ПАРИЖЕ

Я снова всматриваюсь в лицо на экране домофона. Свет выхватывает его из темноты, и оно вдруг кажется мне знакомым: резкая линия носа и челюсти. Но красноречивее внешности то, как она двигается, как озирается вокруг. Эти хищнические повадки напоминает мне кое-кого. Это веская причина не впускать ее. Я не люблю незнакомцев. Не люблю перемен. Они не сулят ничего хорошего. Он доказал это: заявился сюда со своими вопросами, очаровывая всех и вся. Человек, который поселился в квартире на третьем этаже: Бенджамин Дэниелс. После его приезда все изменилось.